

академію и вмѣстѣ съ симъ объявляетъ объ имѣющемъ быть приѣмѣ въ академію, для желающихъ поступить въ оную.—2) По опредѣленію Святѣйшаго Синода отъ 4 мая—3 июня 1887 года для каждаго курса академіи положено 30 казенныхъ вакансій.

Опредѣлили: 1) Представить, установленнымъ порядкомъ, Святѣйшему Синоду о вызовѣ на казенный счетъ въ составъ новаго академическаго курса 20-ти лучшихъ воспитанниковъ духовныхъ семинарій, по усмотрѣнію Святѣйшаго Синода, съ предоставленіемъ остальныхъ 10-ти казеннокоштныхъ вакансій волонтерамъ.—2) Объ имѣющемъ быть приѣмѣ въ Академію для желающихъ поступить въ оную напечатать объявленіе въ „Церковныхъ Вѣдомостяхъ, издаваемыхъ при Святѣйшемъ Синодѣ“ и академическомъ журналѣ „Богословскій Вѣстникъ“.

XXVI.—*О производствѣ въ текущемъ учебномъ году устныхъ выпускныхъ и переводныхъ испытаній студентовъ Академіи.*

Справка: Опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода отъ 21 февраля 1906 года за № 1058 „назначеніе времени и порядка испытаній въ академіи“ отнесено въ разрядъ дѣлъ, окончательно рѣшаемыхъ самимъ Совѣтомъ Академіи.

Опредѣлили: Представленный секретаремъ Совѣта проектъ росписанія переводныхъ и выпускныхъ испытаній студентовъ Академіи въ 1907 году (прилагаемый при журналѣ настоящаго собранія) утвердить, поставивъ о семъ въ извѣстность какъ гг. наставниковъ, такъ и студентовъ Академіи.

XXVII. Слушали: Сообщение *Правленія Академіи* о томъ, что 44 студента Академіи—своекоштныхъ и пользующихся неполными стипендіями—до сего времени не внесли сполна платы за свое содержаніе въ академическомъ общежитіи въ текущемъ второмъ полугодіи 1906—1907 учебнаго года, причемъ общая сумма недоимки достигаетъ 1666 р. 50 к.

Справка: 1) § 151 устава духовныхъ академій: „Пансіонеры вносятъ годичную плату въ два срока: въ сентябрѣ и январѣ; не удовлетворившіе этому требованію въ теченіе мѣсяца увольняются изъ академіи“.—2) Опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода отъ 21 февраля 1906 года за № 1058: „исключеніе студентовъ изъ академіи“ отнесено въ разрядъ дѣлъ, окончательно рѣшаемыхъ Совѣтомъ Академіи.

Опредѣлили: Объявить студентамъ, не внесшимъ сполна платы за свое содержаніе въ текущемъ второмъ полугодіи 1906—1907 учебнаго года, что тѣ изъ нихъ, которые не покроятъ числящейся за ними недоимки къ 1-му мая сего 1907 года, будутъ уволены изъ Академіи и не допущены къ переводнымъ и выпускнымъ испытаніямъ.

XXVIII. Прошеніе *студентовъ Академіи* (за подписью общаго дежурнаго):

„Въ началѣ текущаго учебнаго года мы подали въ Совѣтъ Академіи заявленіе о своемъ желаніи не писать проповѣди съ текущаго года. Совѣтъ Академіи до сихъ поръ не далъ намъ никакого отвѣта. Между тѣмъ профессоръ гомилетики 7 апрѣля назначилъ намъ проповѣдь—въ такое время, когда мы рѣшительно не можемъ написать ее въ виду множества другихъ срочныхъ работъ, накаплиющихся въ концѣ года; и затѣмъ наступающаго экзаменаціоннаго времени. Притомъ, многіе изъ насъ уѣхали, совершенно не зная о данной проповѣди. Поэтому мы еще разъ просимъ Совѣтъ Академіи обсудить наше заявленіе и отмѣнить проповѣдь въ качествѣ обязательной работы“.

Опредѣлили: Принимая во вниманіе: 1) что въ собраніи 27 октября минувшаго 1906 года, при обсужденіи прошенія студентовъ объ отмѣнѣ третьяго семестроваго сочиненія, имъ уже данъ былъ Совѣтомъ Академіи общій отвѣтъ о невозможности измѣненія установленнаго опредѣленіемъ Совѣта отъ 6 сентября 1906 года плана ученыхъ и учебныхъ академическихъ занятій на 1906—1907 учебный годъ, въ составъ котораго входило и обязательное представленіе студентами всѣхъ четырехъ курсовъ одного поученія;—2) что въ настоящее время уже истекли или истекаютъ (на IV курсѣ) всѣ установленные помянутымъ опредѣленіемъ Совѣта Академіи отъ 6 сентября 1906 года сроки для представленія студентами семестровыхъ и кандидатскихъ сочиненій, каковое обстоятельство и было принято въ расчетъ профессоромъ гомилетики при составленіи росписанія проповѣдей,—просьбу студентовъ объ отмѣнѣ проповѣди, какъ обязательной работы, —отклонить.

XXIX. Прошеніе *студентовъ Академіи*:

„Въ 1892 году съ разрѣшенія ректора Академіи архиман-

дрита Антонія профессоръ Юрьевскаго Университета Е. В. Пѣтуховъ взялъ изъ студенческой библіотеки рукопись, на переплетѣ которой была надпись: „Зборникъ, рукопись XVIII столѣтія“, значившаяся въ библіотекѣ подъ № 176⁴/зз, содержащая проповѣди Гавріила Бужинскаго, написанная его собственною рукою и теперь изданная проф. Пѣтуховымъ. Такъ какъ рукопись до сихъ поръ еще не возвращена въ библіотеку, то мы просимъ Совѣтъ Академіи принять мѣры къ возвращенію ея“.

Опедрѣлили: Просить Г. Ректора Императорскаго Юрьевскаго Университета истребовать отъ профессора Е. В. Пѣтухова означенную въ прошеніи рукопись и возвратить ее, по принадлежности, въ студенческую библіотеку.

XXX. а) Заявленіе Преосвященнаго Ректора Академіи:

„По примѣру уже нѣсколько лѣтъ существующаго при Академіи и весьма успѣшно работающаго „Философскаго кружка“, за послѣднее время въ средѣ студентовъ Академіи образовались еще двѣ организациі подъ названіемъ: „Пастырско-просвѣтительнаго Братства“ и „Литературнаго кружка“, учредители которыхъ и просили моего ходатайства предъ Совѣтомъ Академіи объ утвержденіи выработанныхъ ими уставовъ.—Вполнѣ сочувствуя этимъ благимъ начинаніямъ и представляя означенные уставы на усмотрѣніе Совѣта Академіи, считаю долгомъ присовокупить, что почетнымъ предсѣдателемъ „Пастырско-просвѣтительнаго Братства“, какъ видно изъ § 7 проекта устава его, является (по должности) Ректоръ Академіи; руководство же „Литературнымъ кружкомъ“ изъявилъ согласіе принять на себя исправляющій должность доцента Академіи по кафедрѣ русскаго и церковно-славянскаго языковъ (съ палеографіей) и исторіи русской литературы Н. Л. Туницкій“.

б) *Проектъ устава „Пастырско-просвѣтительнаго Братства“ при Московской Духовной Академіи.*

§ 1. Цѣль Братства.

а) Цѣль Братства состоитъ въ теоретической и практической подготовкѣ къ пастырскому и просвѣтительному служенію въ духѣ православной Церкви.

б) Теоретическая работа Братства заключается въ обсуж-

дені на общихъ собраніяхъ Братства вопросовъ пастырства (проповѣдничества и душепопеченія) и организаціи просвѣтительныхъ учреждений.

с) Практическая дѣятельность Братства состоитъ въ пастырствѣ (проповѣдничествѣ и душепопеченіи) и организаціи просвѣтительныхъ учреждений.

§ 2. Дѣятельность Братства.

Для выполненія своихъ задачъ Братство: а) издаетъ брошюры, книги и листки; б) организуетъ проповѣди и соборствованія въ различныхъ пунктахъ какъ въ Сергіевомъ посадѣ, такъ и за предѣлами его; в) заботится о распространеніи въ обществѣ сочиненій религіозно - нравственнаго характера; д) организуетъ различныя учреждения для укрѣпленія религіозно-нравственныхъ началъ среди дѣтей, юношей и т. д. (союзъ дѣтей, общество трезвости и т. д.).

§ 3. Отдѣлы Братства.

Соотвѣтственно различнымъ отраслямъ своей дѣятельности Братство раздѣляется на отдѣлы: 1) проповѣдническій, 2) издательскій и другіе.

§ 4. Составъ Братства.

а) Дѣйствительными членами Братства состоятъ студенты Московской Духовной Академіи.

б) Почетными членами Братства состоятъ: 1) члены Братства, окончившіе курсъ Академіи, и 2) лица, избранныя Братствомъ за ихъ труды на пользу Братства.

в) Соревнователями Братства считаются студенты Московской Духовной Академіи, принимающіе участіе въ дѣятельности Братства, но не принимающіе на себя всѣхъ обязанностей дѣйствительныхъ членовъ.

д) Постороннія лица могутъ принимать участіе въ учрежденіяхъ Братства въ качествѣ соревнователей.

§ 5. Выборы и увольненіе членовъ Братства.

а) Студенты Московской Духовной Академіи, желающіе вступить въ число дѣйствительныхъ членовъ Братства, записываются соревнователями по рекомендаціи одного изъ членовъ, съ одобренія общаго собранія.

б) Соревнователи выбираются въ дѣйствительные члены на общихъ собраніяхъ.

с) Члены Братства, заявившіе о своемъ желаніи выйти изъ состава Братства, а также нарушающіе его уставъ или не исполняющіе его постановленій, выбываютъ изъ состава Братства.

§ 6. Обязанности членовъ Братства.

а) Дѣйствительные члены Братства обязаны посѣщать общія собранія и принимать активное участіе въ дѣятельности его.

б) Соревнователи участвуютъ въ дѣятельности Братства по желанію.

§ 7. Управление дѣлами Братства.

а) Почетнымъ Предсѣдателемъ Братства состоитъ Его Преосвященство, Преосвященнѣйшій Ректоръ.

б) Всѣ дѣла Братства подлежатъ вѣдѣнію: 1) общихъ собраній и 2) Совѣта Братства.

§ 8. Общія собранія Братства

а) Общія собранія Братства происходятъ еженедѣльно.

б) Руководство общими собраніями принадлежитъ Почетному Предсѣдателю Братства или, съ согласія или въ отсутствіи послѣдняго, предсѣдателю Братства.

с) Предметы занятій: 1) рассмотрѣніе вопросовъ по организациі Братства; 2) приѣмъ новыхъ членовъ; 3) выборъ должностныхъ лицъ Братства; 4) чтеніе рефератовъ по всѣмъ вопросамъ, относящимся къ дѣятельности Братства; 5) обсужденіе вопросовъ, касающихся пастырской и просвѣтительной дѣятельности; 6) разборъ проповѣдей.

§ 9. Совѣтъ Братства.

а) Совѣтъ Братства состоитъ изъ предсѣдателя, секретаря, казначея и предсѣдателей отдѣловъ.

б) Предсѣдатель, казначей, секретарь и предсѣдатели отдѣловъ съ помощниками къ нимъ избираются изъ среды дѣйствительныхъ членовъ Братства.

с) Предметы занятій Совѣта: 1) обсужденіе программы занятій для предстоящихъ общихъ собраній; 2) разработка вопросовъ по организациі и дѣятельности Братства для пред-

ставленія ихъ въ общее собраніе; 3) приведеніе въ исполненіе постановленій общихъ собраній Братства.

§ 10. Обязанности должностныхъ лицъ Братства.

а) Предсѣдатель Братства: 1) руководить общими собраніями, 2) назначаетъ засѣданія Совѣта Братства и руководить ими, 3) ведетъ сношенія съ предсѣдателями отдѣловъ и другими лицами по дѣламъ Братства.

б) Секретарь составляетъ протоколы общихъ собраній и засѣданій Совѣта и ведетъ все дѣлопроизводство Братства.

в) Казначей ведетъ приходо-расходную книгу денежныхъ суммъ Братства.

§ 11. Денежныя средства Братства.

а) Денежныя средства Братства складываются: 1) изъ добровольныхъ пожертвованій; 2) сбора съ членовъ Братства (по желанію), 3) дохода отъ изданія и распространенія книгъ и др. изданій, 4) сбора съ чтеній и духовныхъ концертовъ.

б) Денежныя суммы контролируются Ревизіонной Коммиссіей, избираемой Братствомъ.

Примѣчаніе. Въ случаѣ прекращенія дѣятельности Братства всѣ денежныя суммы поступаютъ въ кассу Академической церкви.

§ 12. Организациа и дѣятельность отдѣловъ Братства.

а) Каждый отдѣлъ дѣйствуетъ на основаніи инструкціи, утвержденной общимъ собраніемъ Братства.

б) Отдѣлъ состоитъ изъ дѣйствительныхъ членовъ Братства и сореvнователей; сореvнователи отдѣловъ приглашаются предсѣдателями ихъ съ согласія общаго собранія Братства.

в) Всѣ вопросы, касающіеся дѣятельности отдѣла, рѣшаются на общихъ собраніяхъ дѣйствительныхъ членовъ отдѣла и сореvнователей, которые принимаютъ участіе въ нихъ съ правомъ рѣшающаго голоса.

г) Для непосредственнаго завѣдыванія дѣлами отдѣла избираются на общихъ собраніяхъ Братства предсѣдатель, секретарь, казначей и другія должностныя лица отдѣла.

д) Отдѣлъ представляетъ предположенія относительно своей дѣятельности на утвержденіе общаго собранія Братства.

г) Каждый отдѣлъ представляетъ общему собранію Братства письменный годичный отчетъ о своей дѣятельности и еженедѣльно краткіе отчеты.

г) Отдѣлъ представляетъ Братству отчеты о денежныхъ суммахъ отдѣла, которыя контролируются ежемѣсячно чрезъ назначенныхъ членовъ Братства.

в) *Проектъ устава „Литературнаго кружка“ при Московской Духовной Академіи:*

§ 1. Студенческій литературный кружокъ имѣетъ свою цѣлью научное изученіе исторіи русской литературы новѣйшаго времени.

§ 2. Для этого кружокъ имѣетъ право: а) устраивать открытыя и закрытыя засѣданія въ стѣнахъ Академіи для совмѣстнаго чтенія и обсужденія трудовъ по исторіи русской литературы, для слушанія представленныхъ рефератовъ или для бесѣдъ о предложенныхъ на обсужденіе вопросахъ; б) собирать членскіе взносы и пожертвованія; в) составлять бібліотеку изъ книгъ, имѣющихъ отношеніе къ задачамъ кружка; д) печатать труды; е) кружокъ для удобства занятій можетъ разбиться на нѣсколько группъ (секцій).

§ 3. Членами кружка могутъ быть студенты и лица, установленнымъ порядкомъ допущенныя къ участию въ академическихъ занятіяхъ.

Примѣчаніе. Члены кружка, по выходѣ изъ Академіи, по желанію сохраняютъ за собою всѣ права и обязанности дѣйствительныхъ членовъ кружка.

§ 4. Для поступленія въ члены кружка требуется согласіе абсолютнаго большинства присутствующихъ членовъ.

§ 5. Каждый членъ кружка обязанъ прочитать въ теченіе года не менѣе одного реферата.

§ 6. Руководство кружкомъ возлагается членами или учредителями на одного изъ профессоровъ Академіи, изъявившаго на то свое согласіе.

§ 7. Для управленія дѣлами кружка въ началѣ каждаго учебнаго года избирается бюро изъ трехъ членовъ—студентовъ, при чемъ двое исполняютъ обязанности секретаря, а третій—казначей и бібліотекаря.

§ 8. Всѣ вопросы, касающіеся занятій кружка, выбора

темъ для чтеній и бесѣдъ и порядка слушанія представленныхъ рефератовъ, рѣшаются бюро по соглашенію съ руководителемъ кружка.

§ 9. Въ собраніяхъ научныхъ и литературныхъ предсѣдательствуетъ руководитель или, въ случаѣ его отсутствія, одинъ изъ профессоровъ Академіи, приглашенный членами кружка. Въ собраніяхъ распорядительныхъ предсѣдательствуетъ одинъ изъ секретарей кружка, а въ случаѣ ихъ отсутствія—казначей.

§ 10. Для возбужденія ходатайства объ измѣненіи устава и исключенія членовъ, неудовлетворяющихъ этическимъ требованіямъ кружка, необходимо присутствіе въ собраніи не менѣе двухъ третей ($\frac{2}{3}$) общаго количества членовъ и большинство трехъ четвертей ($\frac{3}{4}$) голосовъ. Всѣ остальные вопросы рѣшаются простымъ большинствомъ, при чемъ при равенствѣ голосовъ перевѣсъ даетъ голосъ предсѣдательствующаго.

§ 11. Въ собраніяхъ допускается присутствіе гостей изъ студентовъ и постороннихъ лицъ (последнихъ съ разрѣшенія инспекціи). Всѣ профессора Академіи имѣютъ право присутствовать въ собраніяхъ и принимать участіе въ преніяхъ по научнымъ и литературнымъ вопросамъ.

§ 12. Въ собраніяхъ выраженіе одобренія и порицанія со стороны присутствующихъ безусловно не допускается.

§ 13. Средства кружка состоятъ изъ членскихъ взносов, размѣръ которыхъ ежегодно опредѣляется собраніемъ кружка, и изъ добровольныхъ пожертвованій.

§ 14. Бюро въ концѣ каждаго учебнаго года составляетъ отчетъ о дѣятельности кружка, печатающійся въ годовомъ отчетѣ Академіи.

§ 15. Въ случаѣ прекращенія дѣятельности кружка все его имущество переходитъ въ собственность бібліотеки студентовъ Академіи.

Опредѣлили: Привѣтствуя данное проявленіе самодѣятельности студентовъ, какъ одно изъ могущественнѣйшихъ средствъ для подготовки ихъ къ просвѣщенному служенію Церкви на пастырскомъ, духовно-учебномъ и другихъ поприщахъ дѣятельности,—представленные Преосвященнымъ Ректоромъ проекты уставовъ „Пастырско-просвѣтительнаго Братства“ и „Литературнаго кружка“ при Московской Духовной

Академіи утвердить, о чемъ и объявить учредителямъ этихъ организацій.

На семь журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства: „1907 г. Мая 3. Смотрѣно. Постановленіе Совѣта по § XXX и проекты устава: „Пастырско - Просвѣтительнаго Братства“ и „Литературнаго кружка“ представить (и представляются) на благоусмотрѣніе Св. Синода“.

8 іюня 1907 года.

№ 4.

Присутствовали, подъ предѣдательствомъ Ректора Академіи Евдокима, Епископа Волоколамскаго, Инспекторъ Академіи—заслуженный ординарный профессоръ М. Д. Муретовъ, заслуженные ординарные профессора А. Д. Бѣляевъ и Н. А. Заозерскій, ординарные профессора А. И. Введенскій, С. С. Глаголевъ, А. А. Спасскій и М. М. Тарѣевъ, экстраординарные профессора А. П. Шостыинъ, И. В. Поповъ, И. Д. Андреевъ, Н. Г. Городенскій, С. И. Смирновъ и А. И. Покровскій.

Слушали: Отзывы о трудахъ экстраординарнаго профессора Академіи по каедрѣ церковной археологии и литургики, магистра богословія, *А. П. Голубцова* подъ заглавіями: „Соборные чиновники и особенности службы по нимъ“ (Москва, 1907 г.), „Чиновникъ Новгородскаго Софійскаго собора“ (М. 1899), „Чиновники Холмогорскаго Преображенскаго собора“ (М. 1903) и „Чиновникъ Нижегородскаго Преображенскаго собора“ (М. 1905), представленныхъ въ Совѣтъ Московской Духовной Академіи на соисканіе степени доктора:

а) Экстраординарнаго профессора Академіи по каедрѣ Русской церковной исторіи *С. И. Смирнова*:

„Одинъ безспорный специалистъ нашъ въ области литургики не такъ давно называлъ исторію церковнаго устава „еще не обследованной всесторонне и не освѣщенной надлежащимъ образомъ“ (проф. Дмитріевскій, Виз. Врем. I, 3 и 4, стр. 555). Большой и многолѣтній трудъ профессора А. П. Голубцова, представленный имъ на соисканіе высшей ученой степени, есть вкладъ и, какъ увидимъ, крупный вкладъ

въ эту не обслѣдованную и не освѣщенную надлежащимъ образомъ исторію.

Что такое представляли изъ себя наши старые соборные чиновники? Они были „записями особенностей соборной службы, пополнявшими уставъ“, притомъ не отрывочными записями, а болѣе или менѣе систематическимъ изложениемъ службы, своего рода уставами ея, уставами, такъ сказать, дополнительными (Соборные чиновники.. стр. 2. 8). Образцомъ для нихъ служили греческіе тактиконы и синаксари—„подобныя же богослужебныя записи древнихъ греческихъ патріаршихъ храмовъ и ближе всего, разумѣется.— великой Константинопольской церкви“ (Чинов. Нижегород. соб., предисл. XII). Являясь дополненіями къ церковнымъ переводнымъ съ греческаго уставамъ, чиновники были произведеніями самобытно-русскими и со стороны литературной формы, и со стороны своего содержанія: возникли они въ Московскій періодъ церковной исторіи, когда русская церковь пришла уже къ сознанию своего національнаго содержанія; развились и размножились въ періодъ патріаршіи, въ эпоху наивысшаго развитія нашей церковной обрядности; ярко отразили накопленныя вѣками особенности древнерусскаго соборнаго богослуженія. Отсюда понятно значеніе соборныхъ чиновниковъ для литургической, церковно-археологической и для церковно-исторической науки. Значеніе это давно оцѣнено, давно выражено желаніе собрать, издать и обслѣдовать рядъ этихъ памятниковъ старой русской письменности. Но до труда проф. Голубцова имѣлись только неисправныя изданія нѣкоторыхъ чиновниковъ, разрозненныя извлеченія изъ другихъ, частичныя обслѣдованія нѣкоторыхъ выдающихся обрядовъ древне-русской соборной службы. Ничего всесторонняго и исчерпывающаго въ смыслѣ изданія и изслѣдованія въ этой области не было.

Проф. Голубцовъ взялся восполнить этотъ пробѣлъ въ наукѣ. Двойкою цѣль имѣлъ онъ, принимаясь за свою работу: „сначала привести (соборные чиновники) по возможности всѣ въ извѣстность, предварительно обслѣдовать ихъ и полностью по лучшимъ спискамъ одни напечатать вновь, другіе и наиболѣе важныя переиздать и потомъ уже приступить къ историко-литургическому разсмотрѣнію особен-

ностей нашей древней службы по нимъ“ (Собор. чиновники.. предисл. IV).

Съ точки зрѣнія этого плана рассмотримъ части труда проф. Голубцова въ порядкѣ ихъ появленія въ свѣтъ.

I. Первымъ былъ напечатанъ восемь лѣтъ тому назадъ „*Чиновникъ Новгородскаго Софійскаго собора*“, памятникъ въ высшей степени интересный по содержанію и потому сравнительно использованный въ научной литературѣ. Довольно напомнить, что въ немъ содержатся такіе чины, какъ— шествія на осляти, пещнаго дѣйства, лѣтопроводства, чтобы понять и значеніе новгородскаго чиновника для исторіи древне-русскаго обряда и сравнительную извѣстность наиболѣе выдающихся частей памятника. При всемъ томъ изданіе проф. Голубцова имѣетъ большую научную цѣнность. Памятникъ изданъ не по первой случайно попавшейся рукописи и не механически. Для изданія изучены извѣстные списки новгородскаго чиновника и выбранъ самый исправный, признанный со стороны уже „весьма хорошей копіей“. Издавая въ свѣтъ этотъ чиновникъ, проф. Голубцовъ (въ предисловіи) внимательно изслѣдуетъ его литературную судьбу, указываетъ и характеризуетъ лицъ, потрудившихся надъ его составленіемъ; въ рукописи Волоколамской бібліотеки (нашей Академіи) онъ находитъ одну изъ древнѣйшихъ редакцій его, возникшую въ полов. XVI в. въ обители Юсифа Волоколамскаго, а въ рукописи Софійской бібліотеки (Петербургской Академіи) редакцію одну изъ промежуточныхъ. Первую редакцію, въ наукѣ неизвѣстную, онъ издаетъ вполнѣ, а изъ второй беретъ описаніе наиболѣе интересныхъ обрядовъ. Такимъ образомъ памятникъ, отчасти извѣстный и ранѣе изслѣдователямъ въ рукописяхъ и въ печатныхъ отрывкахъ, впервые является въ полномъ и совершенно научномъ изданіи, притомъ въ разные моменты своей литературной исторіи.

II. „*Чиновники Холмогорскаго Преображенскаго собора*“ имѣютъ не меньшій интересъ. „Для изображенія мѣстнаго богослуженія въ его цѣльномъ объемѣ и разныхъ въ отдѣльности чиновъ и обрядовъ, для исторіи и отчасти археологій соборовъ, монастырей и церквей Двинской области они содержатъ обильный, въ нѣкоторыхъ частяхъ совсѣмъ непо-

чатый и мало кому известный материалъ“ (Предисл. 35). Но и помимо этого, спеціальнаго значенія въ холмогорскихъ чиновникахъ мы имѣемъ важный историческій памятникъ: по справедливому замѣчанію издателя, эти чиновники имѣютъ „общейсторическій интересъ“. Они „заслуживаютъ полнаго вниманія какъ первостепенный источникъ для характеристики выдающейся по тому времени богослужебно-дисциплинарной дѣятельности замѣчательной и во многихъ другихъ отношеніяхъ личности перваго холмогорскаго архіепископа“ (Аѳанасія—*ibid.* стр. 36). Надо сказать, что крупная фигура Аѳанасія, этого „замѣчательнаго человѣка своего времени“, по выраженію проф. Знаменскаго, разносторонняго писателя, одного изъ немногихъ великорусскихъ архіереевъ, понимавшихъ преобразованія Петра и потому любимаго царемъ, давно обратила вниманіе изслѣдователей и имѣетъ свою литературу. Однако проф. Голубцовъ главнымъ образомъ на основаніи матеріала имъ изданнаго счумѣлъ дать въ обширномъ предисловіи къ изданію чрезвычайно обстоятельную и яркую (хотя и сжатую) характеристику первопрестольника холмогорскаго, дополняющую образъ этого историческаго дѣятеля со стороны весьма важной, можно сказать, центральной. Посвященный въ 1682 г. въ епископы вновь открытой епархіи сѣверной окраины—Двинского края и Поморья, рѣдко видавшей и пріѣзжавшихъ епископовъ, Аѳанасій явился въ Холмогоры съ готовой системой управленія. Это — „система нравственнаго воздѣйствія чрезъ обрядъ на народъ въ духѣ послушанія и почтенія къ архіерею, яко Христу, и пресвитерству, яко апостоламъ“ (стр. 14). Отсюда исходитъ забота о церковномъ храмозданіи, особенно о построеніи церквей каменныхъ, затѣмъ о созданіи богослужебнаго обряда въ своемъ каедральномъ храмѣ по образцу Московскаго Успенскаго собора—„матере церквамъ всея великія Русія“. Последнее обстоятельство и вызываетъ запись службъ и обрядовъ при холмогорской каедрѣ: ведутся записки о прибытіи и первыхъ двухъ годахъ пребыванія архіепископа Аѳанасія въ Холмогорахъ, которыя затѣмъ цереработываются въ систематическій чиновникъ.

III. „*Чинovníкъ Нижегородскаго Преображенскаго собора*“. Это—сравнительно поздній, менѣе обширный, а потому и

менѣе богатый по содержанію памятникъ, чѣмъ выше разсмотрѣнные. Вѣроятно все въ главной своей части чиновникъ былъ написанъ въ третьей четверти XVIII стол., при нижегородскомъ епископѣ Теофанѣ Чернуцкомъ. Ранѣе того Теофанъ провелъ около 10 лѣтъ въ Троицкой Сергіевой лаврѣ въ видныхъ должностяхъ казначея, келаря, а затѣмъ и намѣстника и много потрудился надъ устройствомъ и украшеніемъ лавры, особенно послѣ пожара 1746 г. Къ существующимъ въ литературѣ свѣдѣніямъ объ этомъ іерархѣ проф. Голубцовъ дѣлаетъ значительныя добавленія на основаніи лаврскаго архива, особенно—протоколовъ учрежденнаго собора лавры (Предисл. IV—VII).

Значеніе нижегородскаго чиновника таково. Онъ служитъ нагляднымъ показателемъ того, какими быстрыми шагами съ началомъ XVIII в., при измѣнившихся условіяхъ государственнаго строя, пошла на убыль наша церковно-обрядовая жизнь: сократилось число памятей, торжественно праздновавшихся древне-русскою церковію; вышла изъ употребленія добрая половина такъ называемыхъ дѣйствъ, притомъ типичнѣйшихъ изъ нихъ—пещнаго, страшнаго суда, шествія на осляти, а нѣкоторые чины, церемоніально совершавшіеся, существенно измѣнились—чинъ лѣтопроводства, православія; сократилась пышность богослуженія каедральнаго собора, а главное—столѣтіями создавшееся значеніе собора какъ средоточія церковно-государственной жизни мало по малу ослабѣвало: порывалась, становилась лишь официальной идущая изъ глубокой христіанской древности связь приходскихъ церквей съ соборною; охлаждѣвало усердіе вѣрующихъ къ соборному храму, а вмѣстѣ съ тѣмъ оскудѣвали и средства. Все это понижало литургическую практику каедральныхъ церквей, сближая ее съ церковно-приходскою. Служба соборныхъ церквей стала теперь регулироваться не специальными соборными чиновниками, а обычными богослужебными книгами, приняла тотъ строй, съ которымъ она извѣстна намъ теперь. Здѣсь конецъ той группѣ памятниковъ, изученію которыхъ посвятилъ свои силы проф. Голубцовъ.

[Слѣдуетъ отмѣтить, что изданіе чиновниковъ онъ продолжаетъ: вскорѣ выйдутъ въ свѣтъ „Чиновники Московскаго Успенскаго собора“, готовятся къ изданію „Патріаршіе вы-

ходы“. Съ окончаніемъ этого послѣдняго изданія получится полная бібліотека древне-русскихъ чиновниковъ — большое приобрѣтеніе для русской церковно-исторической науки].

IV. Заглавіе самаго изслѣдованія проф. Голубцова такое— „Соборные чиновники и особенности службы по нимъ“. Если бы на основаніи его кто-нибудь подумалъ, что имѣеть дѣло съ простымъ историко-литургическимъ и археологическимъ комментариемъ къ текстамъ изданныхъ соборныхъ чиновниковъ, тотъ бы ошибся жестоко. Трудъ проф. Голубцова и шире, и глубже, и интереснѣе. Задуманное очень широко изслѣдованіе разсчитано на двѣ половины. Въ первой, теперь напечатанной, состоящей изъ предисловія, девяти главъ и трехъ приложений, содержится слѣдующее: сказавъ о названіи чиновниковъ и давъ общее представленіе о нихъ, авторъ подробно говоритъ о св. Софіи Константинопольской, какъ идеалѣ храмовыхъ и церковно-богослужебныхъ порядковъ для древне-русскихъ соборовъ, важномъ значеніи, внѣшнемъ благолѣвіи и богатомъ внутреннемъ убранствѣ ихъ. Сказавъ затѣмъ о численности священнослужащихъ и вообще соборнаго клира, онъ переходитъ къ разсмотрѣнію важнѣйшихъ особенностей нашихъ старыхъ кафедрально-епископскихъ церквей и преимущественно входовъ и выходовъ на праздничныхъ вечернѣ, утрени и литургіи. Въ этихъ обрядахъ и священнодѣйствіяхъ, мало разъясненныхъ и даже совсѣмъ не затронутыхъ въ нашей литургической наукѣ, по мнѣнію изслѣдователя, рельефно отразилась практика Великой церкви и особенно глубоко сказалось вліяніе ея устава (Предисл., IV—V). Въ небольшихъ приложенияхъ: о происхожденіи орлеца, о старомъ архіерейскомъ мѣстѣ въ храмѣ и о предносной архіерейской лампадѣ даются лишніе доводы въ пользу основной мысли изслѣдованія о вліяніи практики и устава св. Софіи Цареградской на древне-русскую соборную обрядность.

Отсюда видно, что въ своей книгѣ нашъ авторъ изслѣдуетъ огромный отдѣлъ литургической науки — исторію древне-русскаго соборнаго богослуженія, начиная съ его источника—практики и устава Великой Константинопольской церкви, продолжая состояніемъ этого богослуженія въ періоды кievскій, монгольскій и московскій и только заканчивая той эпохой, къ которой относятся соборные чиновники.

Изданные проф. Голубцовым источники даютъ ему, правда, обильный матеріалъ, служатъ исходнымъ пунктомъ его наблюдений въ глубь предшествующихъ столѣтій, помогаютъ создать общую концепцію изслѣдованія, но они не подавляютъ его массой мелкихъ фактовъ, не заслоняютъ отъ изслѣдователя далекой исторической перспективы, не удерживаютъ его вниманія лишь въ кругу ближайшихъ временъ и вопросовъ.

Въ трудѣ своемъ авторъ является разностороннимъ ученымъ — литургистомъ, археологомъ, историкомъ, притомъ ученымъ настоящимъ. Онъ знаетъ эти дисциплины не по однимъ руководствамъ, даже не по монографіямъ, а по источникамъ, изданнымъ и рукописнымъ, которые не разъ прочиталъ и пристально изучилъ. Безспорно, авторъ владѣетъ обильнымъ запасомъ данныхъ, скопленныхъ долготѣнимъ научнымъ трудомъ. Превосходная подготовка, съ которой приступилъ къ своей работѣ проф. Голубцовъ, помогла ему написать свое изслѣдованіе оригинально съ начала до конца. Въ приемахъ его работы нѣтъ манеры высказать какую-нибудь гипотезу, привести два-три попавшіяся подъ руку свидѣтельства и успокоиться. Если что предполагаетъ или утверждаетъ нашъ авторъ, то всегда на основаніи многочисленныхъ, тщательно собранныхъ и провѣренныхъ данныхъ. Какія-нибудь строки, затерявшіяся въ одномъ изъ обширныхъ чиновниковъ, открываютъ зоркому, наблюдательному изслѣдователю важный обрядовой пережитокъ, который онъ вскрываетъ и на основаніи другихъ, большею частью греческихъ источниковъ изображаетъ въ цѣлую картину (129, 140, 146—147). Здѣсь виденъ мастеръ. Авторъ дѣлаетъ мелкія поправки къ выводамъ первоклассныхъ изслѣдователей, притомъ съ такимъ знаніемъ дѣла и осторожностью, что заставляетъ соглашаться съ собою (стр. 70, 1 прим. и др.). Обрядовая подробность вродѣ чтенія часовъ на литургіи или поздней обѣдни (176—177, 164) или подробность археологическая—устройство древне-русскаго архіерейскаго дома (прим. 52—56 стр.) заставляютъ автора помѣщать подъ строкой цѣлые экскурсы, иногда довольно обширные, всегда написанные съ огромной эрудиціей, любопытные для всякаго, не утратившаго интереса къ церковности. При чтеніи книги не разъ возникало у меня сожалѣніе, что эти экскурсы спря-

таны подь строкою, не попали въ оглавленіе и могутъ ускользнуть отъ читателя, недостаточно внимательнаго.

Представляющее рядъ очерковъ, изслѣдованіе проф. Голубцова является въ то же время стройнымъ цѣлымъ, проникнутымъ одною общею мыслью, мыслью о вліяніи богослужебныхъ обрядовъ храма св. Софіи въ Константинополѣ на богослужебный строй и обрядъ древне-русскихъ соборовъ. Это—частный моментъ въ огромномъ вопросѣ нашей исторіи о вліяніи на Русь Византіи, о томъ вліяніи, съ пережитками котораго не можетъ никакъ по сію пору разстаться не только церковь наша, но и государство. Давно поставленный въ наукѣ, лучше сказать, въ цѣломъ рядѣ наукъ вопросъ о вліяніи Византіи на Русь далеко не исчерпанъ, подобно тому какъ не изжито это глубокое, многовѣковое вліяніе умершей имперіи. Тема проф. Голубцова является частностью въ рѣшеніи этого общаго вопроса, но легко понять, какую важную частностью. Если мы примемъ въ расчетъ, что религіозная жизнь древней и старой Руси, особенно Великороссіи выразилась въ обрядовѣрїи, что съ точки зрѣнїи церковнаго обряда смотрѣлъ нашъ предокъ и на догматъ и на мораль христіанства, то безъ труда поймемъ, что въ исторіи обряда—его развитія и упадка, его усиливающагося и затѣмъ ослабѣвающаго вліянія на народную мысль и совѣсть заключается главный нервъ русской церковной исторіи. А проф. Голубцовъ беретъ предметомъ своего изслѣдованія самую школу нашей древней обрядности и главныя ея гнѣзда—каѳедральные соборы. Прочтя его книгу, видишь, что умѣло поставленъ и разрѣшенъ большой вопросъ исторіи, который долженъ быть еще всесторонне оцѣненъ русскимъ церковнымъ историкомъ, снабженъ неизбежными выводами въ разныя стороны и на видномъ мѣстѣ поставленъ въ схемѣ его науки. Древне-русскій соборъ не былъ только храмомъ молитвы. Имѣя образомъ своимъ Константинопольскій храмъ св. Софіи, онъ былъ центромъ церковно-государственной жизни всей митрополїи или извѣстной епископіи. Поставленный въ самомъ дѣтинцѣ города, т. е. въ стѣнахъ крѣпости, выстроенный и отдѣланный часто иноземными мастерами, соборъ въ древнее время былъ сердцемъ даннаго города и всей подвластной городу земли. Онъ былъ усыпальницей „строителей земли“—князей и епископовъ, нервѣдко святыхъ,

хранителемъ чудотворныхъ иконъ—мѣстныхъ святынь края. Въ торжественные дни соборъ окружала ликующая толпа, а въ дни тревогъ, неурядицъ и опасностей близъ его стѣнъ нерѣдко шумѣло народное вѣче. Князья, часто жившіе рядомъ съ соборами, здѣсь справляли главнѣйшія событія своей семейной и политической жизни. На полатяхъ соборовъ они хранили иногда свою казну, а въ ларяхъ ихъ важнѣйшіе документы. Соборы были мѣстомъ убѣжища для преступниковъ, были послѣднимъ убѣжищемъ и для защитниковъ города при нападеніи поганныхъ. Все городское духовенство, а по мѣстамъ и околородное тѣснымъ образомъ было связано съ своимъ кафедральнымъ храмомъ и онъ стоялъ во главѣ, если можно такъ выразиться, мѣстной церковно-обрядовой жизни, являлся проводникомъ церковно-обрядоваго направленія въ народную массу. Въ такомъ видѣ, повторяемъ, вопросъ ставится въ нашей литературѣ впервые,—это нужно отмѣтить къ чести автора.

Первая половина изслѣдованія, представленная на степень, не поражаетъ наружной величиной, но это не даетъ никакого права признать трудъ малымъ. Размѣры его всецѣло зависѣли отъ способа изложенія, котораго держится нашъ авторъ. Онъ очень экономенъ на слова, пишетъ чрезвычайно сжато, хотя и картинно, а порой и прямо художественно. Въ текстѣ книги только выводы и обобщенія изъ обширнаго матеріала, помѣщеннаго въ нѣмыхъ цитатахъ подъ строкою: изъ текстовъ памятниковъ приводятся только самые важные, необходимо нужные или выразительные. При желаніи и при иномъ способѣ изложенія книга проф. Голубцова могла быть въ три раза больше, не ставъ болѣе содержательной.

Невозможно возражать противъ общаго положенія автора, что обряды древне-русской соборной службы сложились подъ влияніемъ обрядовъ Великой церкви Константинопольской. Трудно спорить съ нимъ, когда онъ въ рядѣ крайне осторожныхъ наблюденій за тѣми или иными обрядовыми подробностями по частямъ доказываетъ этотъ общій тезисъ. Но можно сдѣлать нѣсколько мелкихъ поправокъ къ его изысканіямъ.

Начну съ предисловія къ изданіямъ.

Къ обстоятельному предисловію предъ изданіемъ Чиновника Новгородскаго Софійскаго собора можно сдѣлать нѣ-

сколько замѣчаній. Памятникъ сравнительно поздняго времени (к. XVI и нач. XVII стол.) этотъ чиновникъ содержитъ въ себѣ нѣкоторыя мелкія произведенія глубокой русской древности: молитву митрополита Иларіона (второй четв. XI в., стр. 13—14), поученіе митр. Никифора (первой четверти XII в., стр. 161—164), поученіе епископа іереямъ неизвѣстнаго автора (вѣроятно XIII стол., стр. 157—158). Поученіе Никифора сохранилось только въ данномъ памятникѣ, но молитва Иларіона и поученіе іереямъ извѣстны и изъ другихъ рукописей и были уже не разъ изданы. Въ предисловіи проф. Голубцовъ отмѣтилъ уже существующее изданіе поученія м. Никифора, но о двухъ остальныхъ памятникахъ не упомянулъ ни словомъ. Между тѣмъ это является вполне умѣстнымъ и нужнымъ. Если бы проф. Голубцовъ обратился къ этимъ изданіямъ и сличилъ ихъ тексты съ тѣмъ, который въ Новгородскомъ чиновникѣ, онъ отмѣтилъ бы значительную разницу: текстъ, представляемый чиновникомъ (менѣе исправный), измѣненъ—сокращенъ или передѣланъ и вѣроятно не случайно.

Въ томъ же предисловіи (стр. X — XIII) есть, на мой взглядъ, очень цѣнная характеристика іосифлянина Θεодосія, бывшаго преемникомъ извѣстнаго митр. Макарія по Новгородской каедрѣ (1542—1550), потрудившагося уже на покоѣ въ Іосифо-Волоколамскомъ монастырѣ надъ составленіемъ древнѣйшаго изъ извѣстныхъ пока чиновниковъ вмѣстѣ съ своими учениками по обители. Но здѣсь возбуждаетъ недоумѣніе одна мелочь, не выясненная изслѣдователемъ: онъ указываетъ по одной рукописи время смерти Θεодосія — 26 февр. 1563 г., между тѣмъ дата эта, принятая впрочемъ и Строевымъ, не сходится съ лѣтописной (1556 г. Новг. Лѣтоп. по архив. списку. СПб. 1879, 95) и должна быть основана.

Есть въ предисловіи характеристика Новгородскаго митрополита Кипріана, по волѣ и мысли котораго написанъ главный чиновникъ Софійскаго собора. Ранѣе того Кипріанъ былъ архіепископомъ новооткрытой Сибирской каедры, затѣмъ митр. Крутицкимъ. Къ характеристикѣ этой надо сдѣлать дополненія и исправленія. Къ литературѣ, указанной проф. Голубцовымъ, нужно добавить документальную статью проф. Буцинскаго, „Открытие Тобольской каедры и первый

Тобольскій архієпископъ Кипріяѣ“ (Вѣра и Раз. 1890, №№ 21 и 23), а къ матеріаламъ—„О неправдахъ и непригожихъ рѣчахъ новгородскаго митр. Кипріяна“, документъ, найденный въ столбцахъ Архива Мин. Юстиціи А. Н. Зерцаловымъ и изданный имъ въ Чт. Общ. Ист. и Др. Росс. 1896 г. I. Этотъ документъ рисуетъ Кипріяна съ самой невыгодной стороны. Корыстолюбіе, даже святотатство, nepoтизмъ, безконечное высокомѣріе и гордость, отсутствіе правды и справедливости въ судѣ, притѣсненіе духовенства и крестьянъ, произволь и жестокость—вотъ черты личности новгородскаго митрополита нач. XVII в. (Картина, слишкомъ знакомая!). Въ данномъ дѣлѣ есть строки (стр. 11), ближайшимъ образомъ касающіяся Кипріяна, какъ совершителя богослуженія починамъ, изложеннымъ въ чиновникѣ его, и любопытно, что жалующіеся на митрополита люди ничего не видѣли въ этомъ благолѣпіи и богослужебной помпѣ кромѣ „большой гордости“ зазнавашагося духовнаго сановника. Нужно конечно съ критикой отнести къ этому документу, но никакъ нельзя его игнорировать. Онъ задаетъ очень важный вопросъ изслѣдователю, неужели за этимъ сложнымъ, страннымъ и назидательнымъ обрядомъ древне-русской каедральной службы могло скрываться такое нравственное содержаніе его создателей?

Нѣсколько замѣчаній къ самому изслѣдованію.

На стр. 33—34 авторъ повторяетъ установившееся въ научной литературѣ положеніе, что въ первые 50 лѣтъ послѣ утвержденія христіанства на Руси каедра нашихъ митрополитовъ находилась въ Переяславлѣ южномъ. Но положеніе это не безъ основаній опровергается статьею протоіерея Лебединцева, „Гдѣ жили первые кіевскіе митрополиты: въ Переяславлѣ или въ Кіевѣ?“ (Кіевъ. Стар. 1885 г. стр. 177—182) и въ настоящее время можетъ повторяться только съ оговоркой, какъ предположеніе.

Говоря на стр. 62 о древнемъ обычаѣ княжескихъ построговъ, то сопровождавшимся настолованіемъ въ соборномъ храмѣ, то заканчивавшимся „на его площади посаженіемъ на коня совершеннолѣтняго княжича“, авторъ выражается не совсѣмъ точно. Обрядъ совершался надъ малолѣтними княжичами не старше 5 лѣтъ, а то и моложе, какъ это показываютъ немногочисленные лѣтописныя данныя, приве-

денныя и нашимъ авторомъ (см. также Срезневскаго, Матеріалы для слов., II, 1266—1267 стб.—„постригы“). Обычай постриговъ извѣстенъ былъ и въ Византіи подъ именемъ *χορρόβου* и *τριχοχορία*, указаніе на что есть и въ книгѣ проф. Голубцова (189 стр.). Но нельзя ли сближать его и съ русскимъ, можетъ быть дохристіанскимъ обычаемъ постриженія первыхъ волосъ ребенка, которое совершалось въ народѣ язычески?

Объясняя назначеніе такъ наз. потаміоновъ въ полу Константинопольской Софіи, авторъ склоненъ думать, что ими отмѣчались мѣста кающихся извѣстныхъ степеней (стр. 75, примѣч.). Не отвергая категорически допустимости такого толкованія, слѣдуетъ напомнить, что покаянную дисциплину степеней новѣйшіе изслѣдователи сильно ограничиваютъ и мѣстомъ, и временемъ. Ее приурочиваютъ къ Каппадокіи. Существованіе ея въ Константинопольской церкви не подтверждается, насколько извѣстно, никакими точными данными. Правда, послѣ Никейскаго собора, признавшаго дисциплину степеней общецерковной нормой, она могла распространиться по всему востоку. Однако не легко допустить, чтобы эта трудная форма покаянія продержалась долгое время, чтобы дожила она до второй четверти VI в., когда строилась св. Софія. Въ пользу этого предположенія можно указать хотя бы то соображеніе, что у Златоуста, съ 398 г. по 404 архіеп. Константинопольскаго, въ его многочисленныхъ разсужденіяхъ о покаяніи нѣтъ указаній на покаянныя степени. И нѣкоторые изслѣдователи (напр. Функъ) полагаютъ, что степени (если только онѣ были извѣстны въ Константинополѣ) отмѣнены предшественникомъ Златоуста Нектаріемъ.

На стр. 120, разсуждая о церковныхъ пѣвцахъ, проф. Голубцовъ пользуется данными и о пѣвцахъ княжескихъ, т. е. ставитъ рядомъ пѣвцовъ, служившихъ и князьямъ, и епископамъ. Но такое сближеніе ничѣмъ не доказано. Въ нашей ученой литературѣ пѣвцы князей, придворные баяны сближались до сихъ поръ съ скоморохами (работы Бѣляева, особенно академика Фаминцына). Скоморохи же, хотя и были византійскаго происхожденія, едва ли имѣли что-либо общее съ церковными доместиками.

У нашего автора есть похвальная черта—сгруппировывать

весь добытый матеріалъ по трактуемымъ вопросамъ и помѣщать его хотя бы въ видѣ нѣмыхъ цитатъ подѣ строкой, стремленіе исчерпать всѣ показанія источниковъ, не проронить даже самыя незначительныя изъ нихъ. Идя на встрѣчу этому стремленію изслѣдователя, можно указать нѣсколько источниковъ и свидѣтельствъ, не принятыхъ имъ въ расчетъ и не использованныхъ.

Говоря о св. Софіи Константинопольской и ссылаясь на древнее сказаніе о ней, проф. Голубцовъ указываетъ (15 стр.) одно старое изданіе его во II т. Лѣтоп. рус. Литер. Тихонова и не упоминаетъ объ изданіи болѣе новомъ архим. Леонида въ Памятн. Древн. Письменности, по списку, болѣе древнему, сравнительно исправному и не совсѣмъ сходному съ извѣстными ранѣе.

Въ томъ же отдѣлѣ авторъ опускаетъ сослаться на „Бесѣду о святыхъ Царьграда“, изданную въ 1890 г. покойнымъ академикомъ Л. Майковымъ (Сборникъ Отдѣл. русск. яз. и словесн. И. Ак. Н. т. II, № 4). Бесѣда описываетъ Константинополь вскорѣ послѣ прекращенія владычества крестоносцевъ и приписывается нѣкоторыми новгородскому священнику Григорію Каликѣ, впоследствии новгородскому архіепископу Василю, извѣстному паломнику. „Бесѣда“, вызвавшая уже порядочную литературу, по мнѣнію г. Кобеко, „представляетъ лучшее изъ древне-русскихъ описаній святыхъ и достопамятностей средневѣковаго Константинополя“. Въ ней есть интересныя легенды о храмѣ св. Софіи и о городѣ св. Константина. И вѣроятно проф. Голубцовъ извлекъ бы изъ памятника нѣкоторыя полезныя себѣ данныя. Возьму примѣръ. Къ справедливому указанію на то, что Пресвятая Богородица считалась покровительницей Царьграда, надо бы добавить то, что онъ имѣлъ и другаго стража — архангела Михаила. Въ „Бесѣдѣ“ читаемъ: „во истину... Божій градъ есть и стражъ есть ему великій архистратигъ Михаилъ и до второго пришествія Христова“ (стр. 13). Эти строки могли бы пригодиться проф. Голубцову при объясненіи (въ прим. на 28 стр.) композиціи мозаической иконы Спасителя въ храмѣ Софіи съ упавшимъ къ ногамъ Христа императоромъ и изображеніями въ медальонахъ Богоматери и архангела Михаила.

На стр. 18 авторъ говоритъ о храмѣ Софіи, какъ мѣстѣ

убѣжища и публичнаго покаянія. Къ многочисленнымъ даннымъ, имъ приводимымъ здѣсь, надо добавить очень интересную „Греческую запись о церковномъ судѣ надъ убійцами, прибѣгающими подъ защиту церкви“. Запись эту издалъ покойный проф. Павловъ въ Виз. Врем. (затѣмъ въ „Сборникѣ неизданныхъ памятниковъ византійскаго церковнаго права“, М. 1898, стр. 128—132).

При разсужденіи о значеніи иконы Владимірской Богоматери (стр. 42—44), вывезенной Боголюбскимъ изъ Вышгорода и находящейся теперь въ Московскомъ Успенскомъ Соборѣ, не принять во вниманіе небольшой, но цѣнный памятникъ втор. полов. XII в. „Сказаніе о чудесахъ Владимірской иконы Божіей Матери“, изданный В. О. Ключевскимъ въ Памятникахъ Древней Письменности.

Авторъ прекрасно использовалъ многотомное полное собраніе Русскихъ Лѣтописей (жаль только, что первые три тома онъ не читалъ въ новомъ, болѣе исправномъ и удобномъ изданіи). Но онъ не обращался къ небольшимъ лѣтописямъ, не попавшимъ въ это собраніе, — Лѣтописцу Переяславля Суздальскаго (изд. Оболенскаго, въ отрывкѣ—Бѣлокурова) и Нижегородскому Лѣтописцу (изд. Гацисскаго). Въ Переяславскомъ Лѣтописцѣ есть нужныя автору данныя и интересные ему варианты; встрѣчается наприм. указаніе на собраніе вѣча близъ Преображенскаго собора въ Переяславлѣ (1213 г.)—къ стр. 50, 1 прим. изслѣдованія проф. Голубцова. Одно свидѣтельство древнихъ лѣтописей—Лаврентьевской и Ипатской, интересное для церковнаго археолога, именно о портахъ и паволокахъ, развѣшивавшихся во Владимірѣ на Клязьмѣ въ дни торжествъ (стр. 88, прим.) не советѣмъ ясно и чтеніе Переяславскаго лѣтописца „иже вѣшаху на праздники“ (вм. „на праздникъ“ Лавр. лѣт.) несомнѣнно важно для истолкованія извѣстія. Въ Лѣтописцѣ Нижегородскомъ содержится рядъ данныхъ для исторіи Спасо-Преображенскаго Нижегородскаго Собора, чиновникъ котораго проф. Голубцовъ издалъ.

Говоря о колеблющемся числѣ клириковъ при храмѣ св. Софіи Константинопольской въ разное время и о томъ, что оно постепенно сокращалось (стр. 95—96, прим.), авторъ не обратилъ вниманіе на свидѣтельство памятника, хорошо ему извѣстнаго, — свидѣтельство интересное, хотя и нуждающееся

въ разборѣ и провѣркѣ. „А у святыхъ Софїи 3000 поповъ, пишутъ нашъ паломникъ Добрыня Ядрейковичъ, пятьсотъ ругу емлютъ, а полтрети тысячи (2500) не емлютъ; егда же умретъ попъ отъ пяти сотъ, то отъ полутрети тысячи входитъ попъ на мѣсто его“ (Изд. Лопарева, Прав. Пал. Сборн. т. XVII. вып. 3, СПб. 1899, стр. 39 и 94). Приведенное свидѣтельство совершенно расходится съ греческими показанїями, собранными проф. Голубцовымъ, и не подтверждаетъ его общаго положенїя о сокращенїи штата клириковъ при Великой церкви.

Послѣднее добавленїе. На стр. 115—118 проф. Голубцовъ разсуждаетъ и приводитъ рядъ отчасти новыхъ данныхъ о существованїи греческаго богослуженїя въ русской церкви въ первые ея вѣка. Къ этимъ даннымъ слѣдовало бы добавить интересное показанїе изъ Вопросанїя Кирика (ст. 21): „Въ томъ монастыри, идѣ то Климъ, кресты воздвизаетъ попъ чернецъ не игумень въ росьстѣмъ, а въ гречѣстѣмъ игумень“ (Рус. Ист. Б-ки, VI, стб. 29). Итакъ при Кїевскомъ митрополитѣ, на этотъ разъ изъ русскихъ, а не изъ грековъ—при Климентѣ Смолятичѣ, существуетъ греческїй монастырь или греческая половина монастыря, своими богослужебными обрядами отличающаяся отъ русской половины. Что же было при митрополитахъ грекахъ? Нѣтъ сомнѣнїя, резиденцїя древнѣйшихъ первосвятителей русскихъ представляла изъ себя греческую церковную колонїю, откуда исходило и греческое влїянїе, колонїю, носившую даже и названїе греческое—„каеоликани иклисїа“, какъ называетъ ее преп. Несторъ.

Этимъ я заканчиваю свои замѣчанїя—поправки и дополненїя. Но тѣ и другїя нисколько не колеблютъ выводовъ изслѣдованїя. Первыя исправляютъ можетъ быть десятокъ или два строкъ въ книгахъ проф. Голубцова; вторыя даютъ нѣсколько новыхъ штриховъ, дополняютъ тоже нѣсколькими строками текстъ изслѣдованїя и нѣсколькими цитатами подстрочныхъ примѣчанїя его. Приведенныя дополненїя и поправки составляютъ какую-н. тысячную часть обильнаго матеріала, превосходно изученнаго и использованнаго авторомъ.

Подвожу итоги всему сказанному относительно трудовъ представленныхъ проф. Голубцовымъ на соисканїе высшей ученой степени.

1. Проф. Голубцовъ изслѣдуетъ новую, мало разработанную, но очень важную область для русской церковной исторіи съ ея вспомогательными науками—литургикой и церковной археологіей.

2. Его прекрасныя, вполне научныя изданія соборныхъ чиновниковъ дають изслѣдователямъ обильный матеріаль, который теперь впервые, благодаря многолѣтнему труду нашего автора, попадаетъ въ научный оборотъ.

3. Самое изслѣдованіе автора, безспорное по главной мысли своей и основательное въ частныхъ выводахъ, является оригинальнымъ трудомъ по вопросу, который теперь также въ первый разъ ставится въ научной литературѣ.

4. Немногочисленныя поправки и дополненія, указанныя выше, нисколько не препятствуютъ назвать трудъ автора прекраснымъ, цѣннымъ вкладомъ въ нашу литературу.

Принимая все сказанное во вниманіе и имѣя въ виду то, что проф. Голубцовъ все время работалъ въ области исторіи—по исторіи богослуженія и христіанскаго храма, я предлагаю Совѣту Академіи увѣнчать его степенью доктора церковной исторіи“.

б) Заслуженнаго ординарнаго профессора Академіи по кафедрѣ церковнаго права *Н. А. Заозерскаго*:

„Предметъ ученыхъ работъ проф. А. П. Голубцова, представленныхъ имъ въ качествѣ диссертациі на соисканіе степени Доктора, такъ мало извѣстенъ и изслѣдованъ въ нашей литургической наукѣ, что почтенный авторъ принужденъ былъ удѣлить въ своемъ изслѣдованіи цѣлую главу для выясненія того, что должно разумѣть подъ именемъ соборныхъ чиновниковъ, и почему именно такъ, а не иначе слѣдуетъ назвать тѣ памятники литургической письменности, изученію которыхъ онъ посвятилъ многіе свои годы и результатомъ котораго явились его изданія и изслѣдованіе, представляемые теперь въ качествѣ докторской диссертациі.

Что же сдѣлалъ почтенный авторъ для освѣщенія и изслѣдованія своего малоизвѣстнаго и малообработаннаго предмета? На этотъ вопросъ самъ онъ отвѣчаетъ такъ: „принявшись за изученіе Чиновниковъ, мы довольно скоро увидали, что одна часть изъ изданныхъ уже матеріаловъ этого рода, какъ появившаяся на свѣтъ около ста двадцати лѣтъ тому на-

задъ, не надежна и малопригодна для научнаго пользованія, а другая напечатана въ видѣ болѣе или менѣе отрывочныхъ и безсвязныхъ эксерпта по неисправнымъ копіямъ и иногда очень небрежно. Убѣдившись въ сказанномъ, мы задались двоякою цѣлью въ отношеніи къ заинтересовавшимъ насъ памятникамъ: сначала привести ихъ по возможности всѣ въ извѣстность, предварительно обслѣдовать ихъ и полностью по лучшимъ спискамъ одни напечатать вновь, другіе и наиболѣе важные переиздать, и потомъ уже приступить къ историко-литуургическому разсмотрѣнію особенностей нашей древней соборной службы по нимъ. Первую изъ поставленныхъ себѣ цѣлей мы старались осуществить въ своихъ изданіяхъ Чиновниковъ, предваряя текстъ каждаго въ отдѣльности изъ нихъ предисловіемъ и сопровождая указателемъ, къ достиженію второй предназначено настоящее изслѣдованіе“¹⁾.

Выполненіе этой двойной цѣли, такъ обще и кратко обозначенной авторомъ, дало въ результатъ пять отдѣльныхъ книгъ: четыре отдѣльныхъ изданія и изслѣдованіе, напечатанныхъ въ промежутокъ времени отъ 1899 г. по текущей годъ, и двойная задача автора почти уже выполнена²⁾: такъ, авторомъ, согласно его намѣренію, приведены въ извѣстность всѣ памятники, имѣющіеся въ печати и рукописяхъ (опубликованныхъ) и подходящіе подъ категорію Чиновниковъ, обслѣдованы съ исчерпывающею полнотою какъ въ предваряющихъ изданія предисловіяхъ, такъ и въ особомъ изслѣдованіи; одни изъ нихъ изданы въ первый разъ, другіе—перепечатаны вновь по лучшимъ спискамъ.

Первымъ по времени было изданіе г. Голубцовымъ „Чиновника Новгородскаго Софійскаго Собора“ и „Чина Архіепископа Новгорода и Пскова“. М. 1899. Первый изъ названныхъ памятниковъ хотя и давно уже обращалъ на себя вниманіе нашихъ историковъ и археологовъ (М. Макарій, о. П. И. Соловьевъ, графъ М. В. Толстой, Д. И. Прозоровскій, Прот. П. Тихомировъ, П. И. Савваитовъ, Я. И. Бередниковъ и о. К. Никольскій) и по частямъ былъ издаваемъ, но полное и на-

¹⁾ Соборные чиновники и особ. службы по нимъ, стр. IV.

²⁾ Авторъ не представилъ въ качествѣ части диссертациі 4 го изданія Московскаго Чиновника, не успѣвъ напечатать предисловія и указателя къ нему, но текстъ самаго Чиновника уже напечатанъ.

учное его изданіе въ первый разъ явилось только благодаря трудамъ г. Голубцова въ 1899 г. Въ предисловіи издатель сдѣлалъ подробное описаніе четырехъ списковъ его и полностью издалъ, взявъ въ основаніе лучшей—Рязанскій. Второй изъ названныхъ памятниковъ — „Чинъ Архіепископа Новгорода и Пскова“ вскрытъ на свѣтъ Божій съ опредѣленіемъ его историко-литературнаго отношенія къ первому исключительно нашимъ издателемъ (Предисл. V—XIX).

Второе изданіе г. Голубцова: Чиновники Холмогорскаго Преображенскаго собора. М. 1903 г. представляетъ еще болѣе новизны по вскрытію рукописнаго матеріала, хранящагося въ провинціальныхъ бібліотекахъ. Въ немъ напечатаны два отдѣльныхъ памятника и оба—въ первый разъ. Первый—Чиновникъ конца XVII в. (по рукописи Нижегородской Семинаріи) и второй—начала XVIII в. (по рукописи Архангельской Духовной Семинаріи) съ восполненіями и вариантами копій его—принадлежащей бібліотекѣ Казанской Духовной Академіи ¹⁾. Въ предисловіи къ этому изданію со всею обстоятельностью описаны всѣ, извѣстныя доселѣ рукописи издаваемыхъ памятниковъ, указаны хронологическое и литературное отношеніе и связь между ними, затѣмъ подробно изложена біографія и характеристика служебной дѣятельности перваго Архіепископа Холмогорскаго Аѳанасія, какъ установителя той литургической практики, которая и дала содержаніе соборнымъ Холмогорскимъ Чиновникамъ.

Чиновникъ Нижегородскаго Преображенскаго собора. М. 1905 г. полностью изданъ г. Голубцовымъ въ первый разъ, хотя ехсертъ изъ него были напечатаны ранѣе Нижегородскою Архивною Коммиссіею и о. М. В. Добротворскимъ. Въ предисловіи къ своему изданію г. Голубцовъ устанавливаетъ время происхожденія Чиновника, даетъ характеристику Нижегородскихъ Архіереевъ Теофана и Антонія, при которыхъ составлены Чиновники, указываетъ отличія и характерныя особенности литургической обрядности Нижегородскаго Собора и вообще русской обрядности второй половины XVIII в., отмѣчающей упадкомъ и упрощеніемъ ея, и, наконецъ,

¹⁾ Проф. Н. Ѳ. Красносельцевымъ еще въ 1889 году были изданы нѣкоторыя ехсертъ изъ втораго Чиновника, но только по копіи—рукописи Казанской Дух. Академіи (Предисл. стр. II).

указывает историко-археологическое значеніе памятника (извѣстнаго только въ одномъ экземплярѣ—ркп. А. Титова).

Всѣ три тома изданы авторомъ въ качествѣ Дѣйствительнаго Члена Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ въ его періодическомъ органѣ и отдѣльными книгами. Изданія сдѣланы съ точнымъ соблюденіемъ всѣхъ требованій современной издательской техники и представляютъ собою дорогой вкладъ автора въ нашу церковно-историческую и археологическую науку, заслоняя собою всѣ дотолѣ предпринимавшіяся попытки этого рода.

Каждый, кто по собственному опыту знаетъ, съ какими затрудненіями соединено у насъ изданіе древнихъ памятниковъ, особенно по рукописямъ, помѣщающимся въ отдаленныхъ провинціальныхъ книгохранилищахъ, и при недостаткѣ матеріальныхъ средствъ, признаетъ, что разсматриваемыя нами издательскія работы проф. А. П. Голубцова представляютъ для одного лица трудъ и напряженіе ученой энергіи—чрезмѣрные.

Выполненію второй изъ намѣченныхъ авторомъ цѣлей—изслѣдованію о Чиновникахъ и особенностяхъ по нимъ соборной службы—посвящена особая книга, составляющая первую половину предположеннаго труда изслѣдованія. Она состоитъ изъ девяти главъ; каждая изъ нихъ представляетъ цѣлое, разсматривающее особый предметъ и въ то же время внутренне связана съ послѣдующею. Въ концѣ книги три приложения: 1) о происхожденіи орлеца, 2) о старомъ архіерейскомъ мѣстѣ и 3) о предносной архіерейской лампадѣ.

Судя по заглавію изслѣдованія, можно бы предполагать, что оно обѣщаетъ дать не что иное какъ литургическій комментарий къ изданіямъ автора. Въ дѣйствительности же книга даетъ нѣчто, много большее. Собственно комментариемъ можно назвать только первую и вторую главы, посвященныя вводному вопросу о Чиновникахъ, какъ опредѣленномъ видѣ древне-русской литургической письменности. Здѣсь авторъ рѣшаетъ вопросъ: какое изъ названій—уставъ, чинъ, обиходникъ, чиновная книга или чиновникъ—болѣе соотвѣтствуетъ разсматриваемому виду литургической письменности? До него въ нашей литургической литературѣ эти названія употреблялись безразлично разными учеными, касая-

шимися этого предмета; авторъ подвергаетъ тщательному разбору каждый изъ этихъ терминовъ и останавливается на терминѣ Чиновникъ, какъ наиболѣе точно обозначающемъ предметъ и содержаніе произведеній этого рода; далѣе—опредѣляетъ время происхожденія извѣстныхъ доселѣ чиновниковъ, указывая на XVII и XVIII в., какъ время ихъ появленія и практическаго значенія. Въ заключеніе сближаетъ названіе Чиновникъ съ византійскими терминами *Тахтиѡν* и *Συλαζάριον*.

Таково содержаніе первой главы. Но уже со второй главы авторъ выступаетъ за предѣлы комментатора. Опредѣливъ въ началѣ этой главы предметъ и содержаніе Чиновниковъ, какъ дополнительныхъ записей къ церковному уставу о соборной службѣ, авторъ ставитъ вопросъ: что же служило для древне-русскихъ людей образцомъ въ установленіи особенностей соборной архіерейской службы и отвѣчаетъ: таковымъ образцомъ служила великая Константинопольская церковь—Св. Софіи.

Поставивъ этотъ тезисъ, авторъ въ развитіи его уже вынужденъ былъ—именно благодаря присущему ему стремленію исчерпывать каждый вопросъ сполна—съ основанія его—выступить за предѣлы своей специальности—въ широкую *обще-историческую сферу*: для него естествененъ былъ вопросъ: почему же именно св. Софія, а не другой какой-либо храмъ, напр. Воскресенія въ Іерусалимѣ, не какой-либо монастырь Византіи послужилъ идеаломъ и образцомъ для устройства древне-русскихъ соборовъ и службъ въ нихъ? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ авторъ даетъ спеціальнѣйшій историческій отдѣлъ о значеніи храма св. Софіи въ самой Византіи, какъ центрального пункта того государственно-общественнаго цѣлаго, которое со временъ храмоздателя—Юстиніана Великаго извѣстно подъ именемъ (христіанско) „византійскаго государства“. Прекрасная формулировка этого значенія Св. Софіи, данная на стр. 16—19, гласитъ: „предметъ справедливой національной гордости Св. Софія была въ глазахъ Византійцевъ величайшимъ и великолѣпнѣйшимъ храмомъ, подобнаго которому не представляетъ исторія, какого никогда со времени Адама не было и не будетъ. Она казалась имъ даже какъ бы не произведеніемъ искусства или созданіемъ рукъ человѣческихъ, а „дивнымъ по

истинѣ твореніемъ Божіимъ, дѣломъ неподражаемымъ, первымъ и послѣднимъ по красотѣ, представляющимъ точно сводъ небесный на землѣ“. Чудеса римскаго capitoлія, по мысли Павла Силенціарія, были настолько же ниже ея, насколько идолъ въ сравненіи съ истиннымъ Богомъ“. Но Св. Софія была далеко не церковнымъ только центромъ: она была центромъ національно-государственнымъ. „Въ ней византійцы избирали, провозглашали, вѣнчали на царство, а иногда и низвергали съ него своихъ царей. Мятая чернь, политическіе заговорщики и вообще лица, недовольныя правительствомъ, нерѣдко собирались въ Великой церкви, въ притворахъ или во дворѣ ея, и превращали храмъ Премудрости Божіей въ мѣсто агитаціи, государственныхъ переворотовъ и народныхъ волненій, для укрощенія которыхъ не разъ приходилось Константинопольскому первосвятителю спускаться въ него изъ прилегавшей къ нему патріархіи. Въ Св. Софіи происходили соборы по церковнымъ и общегосударственнымъ дѣламъ: въ присутствіи царя и патріарха, синода и синклита велись богословскіе диспуты, составлялись вѣроопредѣленія, скрѣплялись договоры съ иноземными государями, разсматривались и рѣшались важнѣйшіе вопросы суда и управленія. Лица обиженныя искали здѣсь управы на обидчиковъ; гонимые и преслѣдуемые—убѣжища; клятвopреступники и убійцы, не исключая и царей изъ нихъ,—съ амвона св. Софіи открыто каялись въ своихъ преступленіяхъ, были отлучаемы отъ церкви, подвергаемы другой какой-либо эпитиміи и получали разрѣшеніе отъ нея. Въ исключительныхъ случаяхъ весь народъ торжественно исповѣдывалъ свои вины въ Великой церкви и былъ прощаемъ предстоятелемъ ея... Словомъ, вся церковная и гражданская жизнь имперіи была тѣсно связана съ великимъ Константинопольскимъ храмомъ и въ немъ, будто въ современномъ парламентѣ, если позволительно такъ выразиться, затрогивались и рѣшались въ теченіе столѣтій судьбы греческаго народа. Удивительно ли, что въ глазахъ послѣдняго онъ сдѣлался палладіумомъ города, мѣстомъ священнѣйшимъ самого его акрополя, такую святыней, съ которой граждане и всѣ вообще жители имперіи соединяли свои будущія надежды и національныя мечты, и къ которой византійскіе писатели древней и позднѣйшей

эпохи относились всегда съ величайшимъ энтузіазмомъ, хотя и не безъ пристрастія“ (стр. 19).

Съ принятіемъ христіанства русскими изъ Византіи, послѣдняя стала образцомъ и идеаломъ не только церковнаго, но и государственно-общественнаго устройства: этимъ опредѣлилось и значеніе Св. Софіи, какъ центра византійскаго уклада жизни въ древней Руси. Наши великіе и удѣльные князья, строя свои княжества—государства, украшали свои стольные грады, строили такъ сказать русскіе константинополи и въ нихъ прежде всего—соборные храмы Св. Софіи или Богоматери (именно Успенія Богоматери), копируя, насколько позволяли силы, средства и условія страны, свои недосягаемые идеалы и образцы. Главы 3 и 4-я посвящены раскрытію этого положенія и представляютъ собою не только специально ученый церковно-археологическій, но и прямо глубокой исторической интересъ. При чтеніи этихъ главъ живо возстаетъ древне-русскій церковно-государственный строй и укладъ, какъ нѣчто цѣльное и опредѣленно типичное.

Въ главѣ 5-й, переходя къ изслѣдованію особенностей службъ въ древнихъ соборахъ, авторъ по необходимости долженъ былъ снова перейти за предѣлы строго специальныхъ рамокъ своей науки и поставить вопросъ о составѣ соборнаго клира, участіи въ соборныхъ службахъ настоятелей монастырей и приходскаго духовенства. И снова подъ перомъ его выступаетъ живое изображеніе церковнобытовыхъ отношеній каедральнаго клира и городского приходскаго духовенства, отъ каковыхъ въ настоящее время не осталось почти ничего. Благодаря многочисленности каедральнаго клира, къ которому причислялись „сѣнные и придѣльные“ попы и діаконы, а также обязанности приходскаго, городского духовенства, а иногда и посадскаго, присутствовать въ соборномъ богослуженіи на его выходахъ послѣ вечерни и въ концѣ утрени, совершеніе соборной службы съ надлежащею торжественностію и помпою не встрѣчало затрудненій. Но эта служба приходскаго духовенства каедральному собору не только не была въ ущербъ благолѣпію приходскаго богослуженія, но наоборотъ въ нѣкоторомъ отношеніи даже содѣйствовала ему: ибо и соборный клиръ съ своей стороны принималъ живое участіе въ совершеніи храмовыхъ

приходскихъ праздниковъ, для каковаго являлся въ приходскій храмъ для служенія самъ митрополитъ и даже патріархъ, а если этого не дѣлалъ самъ, то непременно посылалъ кого-либо изъ властей,—проживавшихъ въ столицѣ епархіальныхъ архіереевъ, архимандритовъ или соборныхъ протоіерея, ключаря и пр. Для приданія торжественности храмоваго богослуженія кафедральный соборъ снабждалъ приходскій храмъ и своею богатою ризницею и утварями.

Но привнесеніе этого исторически-бытового элемента въ литургико-археологическое изслѣдованіе, придавая ему характеръ живости изложенія, вливая такъ сказать духъ въ вещественные памятники церковной старины, ни мало не отвлекло автора отъ его ближайшей задачи и строго научнаго метода изслѣдованія. Всѣ ученія усилія его направлены къ одной цѣли—указать характерныя особенности церковной службы Чиновниковъ по тѣмъ даннымъ, какія въ нихъ содержатся, но которыя иногда такъ скудны, отрывочны и детальны, что для объясненія ихъ необходимо приходится обращаться къ стороннимъ источникамъ—лѣтописямъ и другимъ историческимъ документамъ и вещественнымъ памятникамъ, а главнымъ образомъ—къ разнообразнымъ историко-литургическимъ памятникамъ, изображающимъ такъ или иначе византійскую обрядность и въ особенности обрядность св. Софіи Константинопольской. Пользуясь этимъ разнообразнымъ и обширнымъ матеріаломъ для возстановленія исчезнувшей древности, авторъ совершенно чуждъ слабости къ поспѣшнымъ выводамъ и обобщеніямъ, догадкамъ и гипотезамъ: его изысканія глубоки и всесторонни, аргументація—основательная и исчерпывающая. IV-я глава его изслѣдованія и относящееся къ ней приложение 1-е, объясняющая значеніе краткаго выраженія Чиновниковъ: „мѣра среди церкви“ и туманное извѣстіе лѣтописи о „портахъ шитыхъ золотомъ и жемчугомъ“, какъ утвари богато украшеннаго Владимірскаго собора XII в., представляетъ блестящій результатъ приложенія авторомъ его историко-сравнительнаго метода къ разясненію темныхъ мѣстъ нашей древней письменности. Но вѣдь и все его изслѣдованіе—не что иное, какъ научное освѣщеніе находившагося дотолѣ въ полумракѣ русскаго литургическаго матеріала, имъ самимъ извлеченнаго изъ книгохранилищъ, съ любовію и научною

тщательностью изданнаго на свѣтъ Божій и ставшаго въ обработанномъ видѣ достояніемъ науки.

Представляя Совѣту Академіи настоящую характеристику научныхъ работъ профессора А. П. Голубцова, почитаю долгомъ засвидѣтельствовать, что онѣ болѣе чѣмъ достаточны для присужденія автору ученой степени—Доктора Церковной Исторіи“.

Справка. — 1) § 142 устава духовныхъ академій: „Степени доктора богословія, равно какъ церковной исторіи и церковнаго права, удостоиваются магистры богословія безъ устнаго испытанія, по представленіи напечатанной диссертациі или сочиненія, хотя бы и написаннаго не съ цѣлію получения ученой степени“.— 2) Профессоръ А. П. Голубцовъ степени магистра богословія удостоенъ Совѣтомъ Московской Духовной Академіи 25 ноября 1891 года и утвержденъ въ этой степени указомъ Святѣйшаго Синода отъ 10 января 1892 г. за № 179.—3) По опредѣленію Святѣйшаго Синода отъ 21 февраля 1906 года за № 1058 „удостоеніе степени магистра и доктора“ отнесено въ разрядъ дѣлъ, окончательно рѣшаемыхъ самимъ Совѣтомъ Академіи. — 4) Указомъ Святѣйшаго Синода отъ 23 сентября 1906 года за № 10251 Совѣтамъ академій поручено: „доносить чрезъ мѣстныхъ Преосвященныхъ о всѣхъ удостоиваемыхъ ими высшихъ ученыхъ богословскихъ степеней лицахъ Святѣйшему Синоду, съ представленіемъ требующихся, по опредѣленію Святѣйшаго Синода, отъ 19—30 апрѣля 1900 г. за № 1557, 10 экземпляровъ магистерскихъ и докторскихъ диссертаций“.

Опредѣлили: 1) Соглашаясь съ отзывами рецензентовъ, утвердить экстраординарнаго профессора Академіи по кафедрѣ церковной археологіи и литургики, магистра богословія, А. П. Голубцова въ ученой степени доктора церковной исторіи и выдать ему дипломъ на означенную степень. — 2) Просить Его Высокопреосвященство донести о семъ Святѣйшему Синоду съ приложеніемъ десяти экземпляровъ диссертациі профессора А. П. Голубцова.

На семъ журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства: „1907 г. Іюня 18. Смотрѣно“.